

15 апреля 1977, 2 в. в. № 24

Спектакль театра имени Ермоловой «Юнона и павлин» не похож на тот вид или точнее, разнородность драматического действия, в котором драматические актеры плохо поют и еще хуже танцуют вместо того, чтобы хорошо играть. Не следует становиться и тому странному правилу, по которому авторский замысел заменяется новым и зачастую не лучшим.

Режиссер Яков Губенко, поставивший «Юнону и павлина», глубоко, вдумчиво относится к замыслу ирландского драматурга: он тщательно разработал характеристики действующих лиц, он бережет слово писателя и не заменяет его ни песнями, ни куплетами ни танцами на которые пошла мода. Режиссер занял в спектакле прекрасных актеров, обладающих большим мастерством создания сценических характеров; он, видимо, полюбил пьесу Шона О'Кейси и, бесспорно, сумел заново открыть заложенные в ней мысли.

Постановка «Юнона и павлин» еще раз убеждает в той общей истине, что спектакль — это часть твоей жизни, иногда совсем малая часть, которая заставляет зрителя думать о том, как живет он сам и в чем в сущности цель и смысл человеческого бытия на земле. И если зритель не задумается об этом хоть раз, то усилия актеров и театра окажутся затраченными зря, а вечер проведенный в театре, потеряет свой истинный смысл.

История бесчисленных бед обиженных и униженной семьи Джека Бойла, героя пьесы, написана ирландским драматургом с натуры. Ирландия начала века переживала кризис: война с Англией, шедшая под лозунгом национально-освободительного движения, была проиграна, и только цепь ее всплеск поддерживала дух независимости в народе. Трудно приходилось сражающимся ирландцам, но честь свободной Ирландии сохраняли они, а не те, кто отстранился от схватки, закрыв глаза на трагедию своих соотечественников. И вот это и решил отобразить коммунист, писатель О'Кейси в своей пьесе — беду и вину тех, кто тщетно ищет свое маленькое счастье, будучи глух и слеп к общим бедам человеческим. Трагедия семьи Бойла стала для постановщика опорой действия.

Джек Бойл, которого блестяще играет Леонид Галис, — печальный образец человека с разрушенной ду-

ховной основой. Как тонко угадано актером соединение в нем сознания собственного банкротства с нежеланием сказать себе самому о свершившемся крахе! Бойл — пустая и вместе с тем горестная фигура, это пародия на человека, вызывающая и презрение, и сожаление. С остатками бравады драматично соседствует растерянность, как со старой капитанской фуражкой — поредевшая копна седых волос. Жизнь Джека, когда-то, наверное, заполненная надеждой, закрыла его в ловушке на-

рук бедной женщины, даже с ее рядом, в котором она все еще хочет сохранить если не изящество, то хотя бы аккуратность. Кириллова наделяет Юнону сердцем, способным согреть всякого страдающего рядом с ней; это жертвенная мать, она и держится своей нескончаемой материнской любовью. Эсфирь Кириллова — актриса совсем необычная; она бесконечно правдива, предельно искренна, и при этом ей свойственна высокая патетика — она поэтизирует человеческую душу. Так

Композиция спектакля основана на понимании человеческой психологии: Юноне противостоит Джоксер, их сосед по наемному дому, собутыльник ее мужа. Душа его полностью закрыта доступу голоса жизни. Джоксер в спектакле — воинствующий обыватель, человек без совести, как флюгер, способен он менять свои убеждения каждую минуту. Точно продуман и воплощен его портрет актером Н. Макеевым. Выразителен его облик, психологически правдив, детализирован и обобщен. И рядом с ним мисс Мэдиген, отлично сыгранная Р. Губиной, актрисой сильной, смело и остро находящей характерность. Она знает, как важны контрасты в выявлении мысли образа. Душа ее героини тоже убита, но все же способна хоть к малым проблескам и протесту. Актрисе особенно удается отличная сцена финала.

Мэри, дочь Бойла и Юноны, играет В. Разинкова. В истории этой мадонны из доходных домов воплощена драма юности и красоты, растоптанной расчетом и пошлостью. Ее увлек Венгем, и Мэри поверила в любовь. Мэри верит и жизни, не разбирая в ней верной дороги, не стремясь разумом осилить направление своей собственной судьбы. Наверное, Мэри была бы счастливей, যদি она силы идти в рядах бастующих, куда так робко потянулась вначале. В. Разинкова чиста и драматична; ее горе трогает зал. Все лучшее, что есть в индивидуальности этой актрисы, выявлено здесь внимательной режиссурой. Ее помнишь, эту обиженную женственность.

Итак, перед нами часть жизни. Небольшая, неполная, взятая из далекой от нас реальности. Но сумма мыслей автора извлечена из пьесы и воплощена умно и тонко. Над сложной, трудной пьесой О'Кейси работали в манере психологической режиссуры и того настоящего уважения к актерскому творчеству, без которого в театре скучно. И в картинах 20-х годов, написанных ирландским драматургом, театр открыл важные и живые, общие и касающиеся всех вопросы. В скорлупе своей маленькой, частной судьбы, утаившись от жизненно важных проблем, человек не находит ни спасения, ни покоя. Об этом и предупреждал Шон О'Кейси, писатель-гуманист, один из крупнейших публицистов и смелых мыслителей нашего времени.

Нина ВЕЛЕХОВА.

ТРАГЕДИЯ БЕЗУЧАСТНЫХ

ЗАМЕТКИ О СПЕКТАКЛЕ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА
ИМЕНИ ЕРМОЛОВОЙ «ЮНОНА И ПАВИН»

емного дома, запрятала в переплетенье железных балок, лестниц и глухих лоджий (художники спектакля С. Ставцева и Н. Эпов создали интерьер, представляющий собой грубо сколоченный большой дом со множеством клеток-квартир).

Но внутренний разлад в былом капитане на наших глазах слабеет: для него все проще и проще становится лгать в тайный стыд за упущенный «звездный час» тревожит его все меньше и меньше. Точен и глубок рисунок актера: павлин еще хорохорится, но растерянность перед жизнью переходит в капитуляцию, стирая в его душе последние остатки человечности.

Поревремен, однако, судить о причинах этого перерождения; взглянем на жену Джека Бойла, миссис Бойл. Я ручаюсь, что таких проникновенно-правдивых, таких сердечных интонаций страдания, любви и растерянности сцена наша знает немного: они звучат в голосе Э. Кирилловой, играющей Юнону Бойл. Автор дал ей возвышенное, поэтическое имя — Юнона, мать олимпийских богов, жена Юпитера. Как трагически несовместимо оно с этой надломленной душой, с уставшими движениями

при точности звучания не может скрипка в руках мастера не вызывать высоких чувств. Прощание Юноны с убитым сыном, ее прозрение и ее последние слова о любви, которая должна поселиться в душах людей, захватывают зрителя.

Об этой сцене думаешь долго, даже потом, когда остается лишь память о виденном. Это прикосновение к подлинности сценического переживания — момент прекрасного. И именно в финальной сцене скрыто зерно, суть идеи спектакля. Ибо именно здесь Юнона понимает, в чем причина и суть ее несчастья. Она не смогла в свое время услышать, хотя слух ее к страданиям так чуток, чем живет и от чего страдает ее страна, ее время, ее эпоха; хотела не видеть того, что так ясно видели отдающие свою жизнь за общее дело. Юнона позволила себе не помнить о том, что жизнь ее — это жизнь общества. И только, когда убивают ее сына, ее мальчика, немело вступившего в жизненный бой, только тогда Юнона прозревает. И, как убеждает нас удивительная актриса, ее героиня уйдет теперь к людям из своего маленького уголка, созданного ею самой.